

КОСВЕННЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Михальчук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, n-mihalchuk@list.ru*

В статье доказывается, что в русской прозе начала XX в. используются в равной мере как кооперативные, так и некооперативные речевые модели косвенного выражения побуждения, а в произведениях русских писателей XXI в. наблюдается снижение частотности кооперативных речевых моделей и преимущественное применение некооперативных моделей. Отмечается изменение роли авторских комментариев в контекстах с косвенными реализациями интенции побуждения.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; косвенный речевой акт со значением побуждения.

Непрямая коммуникация – термин, введенный представителем Саратовской лингвистической школы В. В. Дементьевым в работе «Непрямая коммуникация и ее жанры» в 2000-х гг. [1]. Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 5]. В качестве разновидности непрямой коммуникации учеными трактуются косвенные речевые акты.

Характеристика косвенных речевых актов как особого типа высказываний представлена в трудах российских лингвистов Т. В. Булыгиной [3], В. Г. Гака [4], М. Л. Макарова [5], Т. В. Нестеровой [6], Н. И. Формановской [7], А. Д. Шмелева [3] и других. Принимая определение М. Л. Макарова, к косвенным речевым актам мы относим «случай, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [5, с. 107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, мы считаем потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями.

Отметим, что в лингвистической литературе наметилось два различных подхода к изучению высказываний со значением побуждения: с одной стороны, они рассматриваются с точки зрения ядерного и периферийного способа выражения языкового значения и, с другой стороны, в качестве прямых или косвенных речевых актов. Мы придерживаемся второго подхода и, с опорой на теорию речевых актов, анализируем не прямые (косвенные) реализации интенции побуждения.

Принимая определение Н. И. Формановской, побудительность считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [7, с. 188]. К косвенному речевому акту с интенцией побуждения относим высказывание, в рамках которого прагматическое значение выражается в виде речевых структур, не предназначенных для его реализации (в форме вопроса или сообщения) и имеющих потенциал к прямому употреблению в другом контексте.

Цель данной статьи – выявление особенностей косвенной реализации побуждения в частном дискурсе в русской прозе 1900–1917-х гг. и 2000–2024 гг.

В качестве материала для анализа были выбраны произведения И. Бунина, А. Куприна, М. Горького, В. Вересаева, И. Шмелева 1900–1917 гг. и З. Прилепина, Ю. Полякова, И. Сахновского, В. Токаревой 2000–2024 гг.

Аналізу подлежат группа косвенных речевых актов со значением побуждения (общее число высказываний – 1552). Изучение косвенных речевых актов проводится в двух контекстах: 1) диалог; 2) нарративный контекст, отражающий реплику в диалоге. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Рассмотрим наиболее частотные модели ритуализированного косвенного выражения побуждения в русской прозе двух указанных периодов.

1. Косвенные побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией сообщения.

1.1. Конструкции с лексемами модальной оценки *надо, нужно, должен*.

Косвенные реализации интенции побуждения, имеющие значение необходимости, долженствования выполнения действия, являются самой частотной группой в анализируемых текстах произведений как в период с 1900 по 1917 гг. (129 случаев употребления, 23 % от общего числа косвенных побуждений), так и в период с 2000 по 2024 гг. (177 контекстов, 18 % от общего числа косвенных речевых актов с директивным значением).

В подобных высказываниях говорящий выражает свое мнение, дает оценку предполагаемому действию – необходимость, долженствование его совершения адресатом, однако коммуникативной целью сообщения является не собственно оценка, а последующее выполнение (или невыполнение) действия собеседником. Лексемы *надо, нужно, должен* предполагают категоричность оценки говорящего и, следовательно, побуждения, данную речевую модель в целом мы рассматриваем как некооперативную. Анализируемые высказывания, помимо косвенного побуждения, включают дополнительные смысловые компоненты: говорящий оценивает то, к чему побуждает адресата, убеждает, мотивирует, выражает свою уверенность в необходимости совершения действия.

В частном дискурсе при условии обращения старшего собеседника к младшему или в случае наличия близких и доверительных отношений между коммуникантами косвенные речевые акты, порождаемые в соответствии с анализируемой моделью, могут не приводить к нарушению кооперации в общении. Если же указанные выше условия не соблюдаются, то использование данной модели побуждения может иметь своим следствием коммуникативную неудачу, что отражено, например, в одном из рассказов В. Токаревой: *К нам подошла незнакомая девушка, по виду молдаванка, приехала на заработки. Услышала русскую речь и захотела поговорить на русском языке. Соскучилась. – Вы очень хорошо одеты, – сказала она Сонечке. – А вам надо купить кардиган. – У меня есть, – сухо ответила я. А про себя подумала: «Тожже мне... ложкомойка. Будет советы давать...»*

В художественном тексте благодаря интерпретационной поддержке в виде авторских комментариев, а также с учетом контекста и параметров ситуации мы получаем возможность определить коммуникативную интенцию в такого рода высказываниях, в качестве которой могут выступать не только требование и приказ, но и просьба, совет, упрек, поучение.

Ср. параметры ситуации: разговор хозяина квартиры и квартиранта: *Рваный пришел, словно его по гвоздям волочили. И страшно так глядит. – Дома надо сидеть! – **прикрикнул** уж на него» (= седи дома; требование) (И. Шмелев, «Человек из ресторана»). *Подошла бабушка, **наклонилась надо мной и чуть слышно шепнула**: – Ты меня прости, ведь я не больно потрепала тебя, я ведь нарочно! Иначе нельзя, – дедушка-то старик, **его надо уважить**, у него тоже косточки наломаны, ведь он тоже горя хлебнул полным сердцем, – обижать его не надо. Ты не маленький, ты поймешь это... **Надо понимать, Олешиа!** (= уважай; пойми; поучение) (М. Горький).**

В произведениях 1900–1917 гг. прямое указание на коммуникативную интенцию в авторских ремарках наблюдается спорадически, но вместе с тем определенную роль в интерпретации косвенного высказывания, как правило, играет характеристика невербальных средств общения, которая в значительном объеме представлена в текстах произведений. Ср.: 1. Параметры ситуации: разговор матери и сына: *«– Да, да, – **сказала она тихонько**, – не нужно озорничать!» (= не озорничай; поучение) (М. Горький).* 2. Параметры ситуации: разговор прохожего со сторожем. *«– **Отворяй, Никита!** – **крикнул он** голове. – **Лошадей нам нужно!**» (= давай лошадей, требование) (И. Шмелев).*

В текстах XXI в., напротив, наблюдаем экспликацию коммуникативной интенции в авторском комментарии, а характеристика невербального

компонента, как правило, редуцируется. Данное явление, на наш взгляд, следует связывать с тенденцией демократизации в современной речевой коммуникации, со стремлением к упрощению и сокращению речевого высказывания, ср.: *Не надо развешивать свои проблемы, как белье на веревке, – посоветовала я* (= не развешивай; совет) (В. Токарева).

Т. В. Ларина отмечает факт высокой употребительности конструкций со средствами выражения модальности в значении побуждения в обиходно-бытовом речевом общении, подчеркивая категоричность, импозитивность данного косвенного способа выражения побуждения. Результаты нашего исследования показывают значимость данной модели косвенного выражения побуждения и для русской художественной прозы как начала XX в., так и XXI в.

1.2. Конструкции с глаголом в форме сослагательного наклонения.

Непрямые реализации побудительной интенции в форме конструкций со значением ирреальности представляют собой частотную группу в текстах произведений начала XX в. (86 контекстов, 15 % от общего числа косвенных побуждений в данный период). В лингвистике неоднократно отмечался особый прагматический эффект форм с нереализуемым условием в русском языке – смягчение реализации интенций, снижение категоричности высказываний. Данная речевая модель косвенного побуждения, которую мы относим к кооперативным, наблюдается у всех авторов, выбранных для анализа. Ср. *«Мне бы, – говорит, – лучше белуги бы»* (= дайте; просьба) (И. Шмелев); *Хоть бы картузишко-то купил себе! – кричал он с усмешкой* (= купи, совет) (И. Бунин); *– И пожил бы у нас, дедушка, – сказала Вера* (= поживите; приглашение) (А. Куприн).

Как показывает анализ материала, основная нагрузка в текстах первых двадцатилетий XX в. приходится на высказывания с глагольными формами второго лица сослагательного наклонения, которые выражают желание, обращенное к адресату (74 % контекстов). Ср.: *– А ведь это ты от болезни так зол! Полечился бы, что ли, маленько* (= полечись; совет) (И. Бунин). Намного реже (20 % случаев употребления) встречаются речевые формы с инфинитивом. Ср.: *Завязать бы надо ногу-то, – посоветовала старушка Смурьгина и ушла* (= завяжи; совет) (М. Горький). Конструкции с глаголами в форме 1 лица со значением речемыслительных процессов являются малочисленными (6 % примеров). Ср.: *А я все-таки избу вашу хотел бы посмотреть* (= разрешите; просьба) (И. Бунин).

Показательно, что в русской художественной прозе XXI в. отмечено снижение употребительности данной модели побуждения. Так, в текстах произведений 2000–2024 гг. было зафиксировано всего 16 примеров реа-

лизации косвенного побуждения в виде форм с нереализуемым условием (2 % от общего числа косвенных речевых актов с директивным значением). *А за встречу надо бы и выпить!* – мечтательно предложила она (= давайте выпьем; предложение) (Ю. Поляков).

Снижение частотности данной речевой и языковой модели выражения побуждения в художественной прозе XXI мы связываем с магистральной тенденцией демократизации в современном русском речевом общении, с ослаблением роли принципа вежливости в коммуникации. Характеризуя время перестройки и современную ему эпоху XXI в., В. В. Дементьев констатирует: «Соблюдение вежливости начинает восприниматься как слабая позиция говорящего, зависимость, ею начинают тяготиться» [8]. На наш взгляд, в русле данных тенденций – и снижение частотности кооперативных моделей выражения побуждения в художественном тексте XXI в., вытеснение их некооперативными речевыми моделями и формами.

1.3. Конструкции с глаголами в форме будущего времени.

Косвенные речевые акты с директивным значением, в которых побудительное значение выражено посредством конструкций с глаголом в форме второго лица будущего времени, представлены в 10 % контекстов в русской прозе XX вв. и в 17 % контекстов – в прозе XXI в. Данная речевая модель является некооперативной: конструкции предполагают отчетливую авторитетность говорящего и отмечены императивностью. *Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак* (= выучи, расскажи; требование) (М. Горький).

2. Косвенные побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией вопроса.

Как показывают результаты нашего исследования, количество косвенных реализаций интенции побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией вопроса в XXI в, по сравнению с началом XX в., несколько увеличивается. Так, вопросительные конструкции, используемые в значении побуждения в русской прозе 1900–1917 гг., составляют 13 % от общего числа косвенных директивных высказываний, а в период с 2000 по 2024 гг. они представлены 28 % контекстов.

В то же время типы косвенных вопросительных высказываний, которые традиционно связываются в лингвистике с повышением вежливости общения, – например, подчеркнуто этикетные конструкции с отрицанием типа *Не могли ли бы Вы передать мне соль?*, являясь довольно частотными в прозе начала XX в., в произведениях XXI в. представлены небольшим количеством примеров (8 %). Ср.: *Вы не могли бы передать вот это?* – показывает пакет с коробкой (= передайте; просьба) (В. Токарева).

В произведениях XXI в. распространенными являются вопросы о действиях адресата или о совместных действиях говорящего и адресата, они характеризуются категоричностью и фамильярностью. Данный тип косвенных побуждений наблюдается почти в равной мере у всех анализируемых писателей и составляет 30 % от общего количества вопросительных конструкций. Ср.: *Пойдем пешком? – предложил братик* (= давай пойдем; предложение) (З. Прилепин). – *Выьем? – предложил он мне, уже наливая* (= давай выпьем; предложение) (З. Прилепин). *А чокнуться? А за знакомство?* (= давай чокнемся; предложение) (З. Прилепин). *Целоваться будем?* (= давай целоваться; предложение) (Ю. Поляков).

В русской прозе XXI в. актуализированы краткие формы вопросов, выраженные с синтаксической точки зрения неполными, а также односоставными предложениями. Ср.: – *Хочешь? – предложил мне Славчук, протянув бутылку* (= выпей; предложение) (З. Прилепин). – *Будешь? – произнес я одно из самых важных слов, определяющих судьбы русской цивилизации* (= выпей; предложение) (З. Прилепин). – *Расскажете? – спросил в пространство Андрей Львович* (= расскажи; просьба) (Ю. Поляков).

Таким образом, если в русской прозе начала XX в. используются в равной мере как кооперативные, так и некооперативные модели косвенного выражения побуждения, то в произведениях русских писателей XXI в. выявлено снижение частотности кооперативных моделей и преимущественное применение некооперативных моделей, что связано с тенденцией демократизации и снижением роли принципа вежливости в современной русской коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Издательский дом "ЯСК", 1997.
4. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11–17.
5. Макаров М. Л. Коммуникативная структура текста : конспект лекций. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990.
6. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5, ч. 1. С. 156–162.
7. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз., 1998.
8. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник РУДН. 2018. Том 22, № 4. С. 919–944.